

Ши Удуань, не понимал, для чего он вообще здесь, но все равно остался в маленьком домике, принадлежащем Цзян Хуа .

В действительности он хорошо освоился в этих условиях, ведь Цзян Хуа хорошо кормил его, книги в подземной комнате были ему доступны в любое время, а если он сталкивался с чем-то непонятным, то мог обратиться к Цзян Хуа за подсказкой - самое главное, что у Цзян Хуа очень покладистый характер. Он мог быть непослушным и разрушающим, или задавать вопросы, противоречащие моральным устоям, и все равно этот человек оставался дружелюбным и никогда не брал в руки прут, чтобы побить его... К двум месяцам пребывания Ши Удуань уже чувствовал, что его кожа зудит, он не мог привыкнуть к новому распорядку.

Спустя два месяца он наконец почувствовал скуку.

Несмотря на то, что снаружи находился массив «Шесть кругов жизни», Цзян Хуа отправлялся в любые места, когда ему было интересно, в своих владениях он предпочитал тишину и покой. На его крошечном заднем дворе разместилось несметное количество массивов - от больших до маленьких. Кроме нескольких животных, которых он приютил у себя и которые были наделены просветлением, дикие существа в этих горах, похоже, знали о его силе и бессознательно никогда не приближались к его владениям.

Когда Цзян Хуа находился дома, он мог рассказать ему несколько странных историй, которые действительно были интересны. Однако большую часть времени, пока он находился в пределах горы, он запирался в уединении и бесследно исчезал на три-пять дней, а забота о Ши Удуане ложилась исключительно на плечи Хэ Туна.

Этого Хэ Туна нельзя просто назвать неинтересным: и его речь, и его действия всегда в порядке, за целый день не видно ни одной улыбки, а его лицо было белым, как паровая булочка, он только и говорил: «Маленький дао-сюн*, ты должен заниматься чтением», «Маленький дао-сюн, сейчас время еды», «Маленький дао-сюн, у всех вещей есть чувства, ты не должен задирать маленьких», или «Маленький дао-сюн, ты еще не изучал массивы, пожалуйста, не уходи.»

(*) дао-сюн: дао означает даос, а сюн - (старший) брат.

Несмотря на то, что теперь он мог есть и пить в свое удовольствие и не получать побоев, Ши Удуань не переставал тосковать по своим дням на горе Цзюлу. Там у него было так много шисюнов, шиди, маленьких яо в долине Кангюнь, а самое главное - Сяо Ли-ци.

Больше всего ему нравилось играть с Бай Ли: во-первых, Бай Ли - самая красивая «маленькая девочка», которую он когда-либо видел. Мальчики в этом возрасте еще не имеют четкого представления обо всем, кроме смутного осознания «разницы между мужчиной и женщиной», с одной стороны, им не нравится играть с другими девочками, но с другой стороны, они не могут устоять перед тайным желанием привлечь внимание девочки, особенно самой красивой.

Кроме как на горе Цзюлу, детей возраста Ши Удуаня было не так много. К тому же он был единственным учеником даосского мастера и поэтому не часто общался с другими учениками, а значит Ши Удуань не знал детского правила «Мальчикам играть с девочками целый день стыдно». Таким образом, он с удовольствием проводил весь день, красуясь перед маленькой красавицей.

Во-вторых, Бай Ли дружелюбна: она улыбалась каждой шутке Ши Удуаня, говорила, что каждая маленькая вещица, подаренная Ши Удуанем, красива, и в отличие от учениц мастера Куруо, которые беспорядочно расстраивались или непрерывно болтали друг с другом, что

действовало ему на нервы.

В тот день Ши Удуань выбрался из каменного подземелья и разминал плечи, когда увидел во дворе птицу, клевавшую рисовые зерна. Он тут же подбежал и пихнул птицу кончиком ноги, и птица Куйбин свирепо клюнула его в ответ - перья на ее теле только-только отросли, только так и остался совершенно голым, создав абсурдный портрет, который вызывал невероятный смех. Над птицей даже посмеялись разумные кролики, выращенные Цзян Хуа, и теперь ее самолюбие было полностью уязвлено, поэтому последние два дня она питала большую неприязнь к виновнику ее бед, Ши Удуаню.

Ши Удуань как маленькая обезьянка плюхнулся на камень во дворе, одной рукой поддерживая все более тонкий подбородок. Он так быстро рос, что его одежда становилась все короче, обнажая запястья. Вдруг он вздохнул и сказал птице Куйбин:

«Глупая птица, я скучаю по Сяо Ли-цзи, по шифу и всем остальным».

«Божественный воробей», занятый своим делом, взглянул на него, затем продолжил сосредоточенно клевать рисовые зерна, как истинный представитель пернатых, не способный понять взрослое сердце мальчика-подростка, который скучает по своей женушке.

Ши Удуань еще немного посидел и повздыхал, но плохо, что его характер - это нечто, что сразу же озаряется первым лучом солнца, так как ему требовалось едва ли мгновение, чтобы стряхнуть с себя эмоции, которые так долго копились. Он снова посмотрел вниз на птицу Куйбин, затем внезапно вскочил, побежал в свою комнату, чтобы собрать сумку, выскочил, затем хлопнул птицу с такой бездумной силой, что едва не опрокинул ее и сказал:

«Пойдем, мы лично попрощаемся со стариком, пойдем домой!».

На это заявление птица Куйбин ответила лишь тем, что длинными когтями царапнула его по руке, а затем повернулась и показала ему свой голый зад.

Только после того, как Ши Удуань разыскал Цзян Хуа, он понял, что с этим обычно покладистым стариком вдруг стало трудно разговаривать. То ли он намеренно суетился, то ли еще какие причины придумывал, но Цзян Хуа только улыбался ему и в ответ дружелюбно качал головой.

Ши Удуань подумал: если ты меня не отпускаешь, неужели я сам не знаю, как улизнуть?

Поэтому он воспользовался представившейся ночью возможностью, нашел веревку, чтобы перевязать клюв птицы, чтобы та не кричала, прижал ее беспрестанно хлопающие крылья и улизнул.

Что касается массива «Шесть кругов жизни» у ворот, то он уже однажды проходил его вслед за Цзян Хуа, а если бы и не проходил, то за эти несколько дней, проведенных в каменной комнате под землей, успел прочитать 70-80 процентов книг по вводным методам работы с массивами, и поэтому давно уже не обращал внимания на этот тип не очень сложных массивов.

Но когда он достиг ворот, глаза Ши Удуаня расширились.

Массив у ворот, ведущих со двора, был изменен. В нем можно разглядеть камни и море бамбуковых побегов, смешивающихся друг с другом, это море бамбуковых побегов напоминало гигантский водоворот, и один взгляд на него почти засасывал его сознание. Даже лунный свет, падающий на лес, создавал впечатление волны, заставляя людей подозревать, что это не

простой массив, а невероятно искусная иллюзия.

Ши Удуань сделал шаг, затем остановился. Птица Куйбин, которая в какой-то момент выпала из его руки, уставилась в море бамбуковых побегов, затем, словно не в силах остановиться, тряхнула головой и хвостом, как пьяная, дважды повернулась на месте, выпятив шею, а затем сползла на землю.

Ши Удуань вспомнил о своем грандиозном заявлении, поэтому достал из кармана огниво, планируя сжечь все вокруг.

Но кто бы мог знать, что когда искра огня упадет на траву, она не только не загорится, но лишь на мгновение замерцает, а затем потухнет. Слой голубого заклинания тускло блеснул на земле, испустил волнообразную вспышку, а затем в мгновение ока исчез.

Это было «противоогненное заклинание», которое Цзян Хуа расставил по всей вершине горы, чтобы не дать ей сгореть.

В результате на следующее утро, когда Цзян Хуа вышел из своей комнаты, он обнаружил, что Ши Удуань, свернувшись клубком, спит во дворе, используя в качестве подушки свою сумку, его руки все еще держатся за деревянную палку, на земле под ним нацарапаны беспорядочные расчеты - жаль, что ему так ничего и не удалось решить.

Что касается птицы Куйбин, то у нее, должно быть, голова слишком маленькая, а живот слишком большой, поэтому она не могла понять все эти вещи, на которые тратятся мозговые клетки, и поэтому так и осталась лежать на земле без сознания.

Цзян Хуа, сцепив руки за спиной, посмотрел вниз, изучая расчеты. Он не мог удержаться от улыбки и подумал: этот парень учился целых два месяца, его даже формально ничему не учили, но его методы расчета массива действительно методичны, как будто он знает, что делает - жаль, что это даже отдаленно не похоже на правильный ответ.

И вот так Ши Удуань вынужден нехотя подчиниться могуществу всемогущего «массива Люхуэй» Цзян Хуа. Если хозяин массива не захочет его отпустить, Ши Удуаню остается только лежать на склоне горы.

В отличие от основных массивов с фиксированным методом решения, или даже от мертвых массивов, основанных на основных массивах, которые могут содержать изменения, но все еще решаются с помощью той же линии мысли, «массив Люхуэй» - это живой массив.

Цзян Хуа говорил:

«В любой момент времени этот массив смещается и изменяется в зависимости от межзвездных движений. Только когда ты сможешь рассчитать орбиту всего южного неба, ты сможешь найти способ решить задачу этого массива. Пока звезды движутся, массив будет смещаться, при каждом большом или маленьком сдвиге звездных орбит «массив Люхуэй» может полностью измениться».

Глядя на то, как глаза этого ребенка постоянно меняются, как будто он придумывает какие-то ужасные планы, Цзян Хуа небрежно постучал веером по его голове и сказал:

«Не думай о каких-то извилистых путях, пока ты не сможешь решить этот массив, ты будешь торчать здесь, занимаясь со мной».

Ши Удуань поджал губы и сказал:

«Старик, ты продолжаешь запирать меня вот так, оставляя мою жену одну дома, что если она решит снова выйти замуж?»

Цзян Хуа не знал, смеяться ему или плакать, а Ши Удуань продолжал торговаться:

«Ладно, не хочешь, чтобы я возвращался, но написать домой жене я должен».

Цзян Хуа покачал головой, не удосужившись уделить ему больше внимания.

Ши Удуань сразу же приготовил перо и бумагу, затем сел за стол, чтобы аккуратно написать письмо Бай Ли, бессвязно переписывая его, пока не получил стопку бумаг, содержание которых можно описать только как «все на свете». Только после этого он подул на письмо, чтобы оно высохло, затем положил его в конверт, запечатал и привязал к лапке птицы Куйбин. Затем он раскрыл свою драгоценную сумку, осторожно достал астролябию и высыпал все остальные безделушки - от браслетов, сережек, заколок до колокольчиков, нефритовых украшений и кошельков.

Ши Удуань сказал:

«Отнеси все это Сяо Ли-цзи, я купил все это для нее».

Птица Куйбин так испугалась блестящих безделушек и украшений, что упала со стола. Ши Удуань не обратил на это никакого внимания и принялся связывать все в большой сверток и привязывать его к сравнительно тонкой, как скелет, птице.

«Лети», - сказал Ши Удуань.

Бедная птица Куйбин протащила сумку размером с ее тело на шаг вперед и дважды чирикнула в знак протеста. Ши Удуань немедленно ткнул ее концом пера в голый зад, а затем сказал:

«Айя, куда делся жир, который ты наедала все это время? Давай, перестань притворяться и улетай быстрее!».

Птице Куйбин ничего не оставалось, как несколько раз взмахнуть крыльями, отряхивая те немногие перья, которые только что отросли, но она едва успела пролететь два метра, прежде чем упала. Она моргнула своими маленькими глазками, чтобы обвинить Ши Удуаня в содеянном.

Ши Удуань потрепал свою голову, а затем внезапно хихикнул. Птица Куйбин сразу же испугалась: она просто знала, что этот мальчишка собирается придумать ужасный план, и чувствовала, что ее постигнет катастрофа.

Ши Удуань произнес заклинание, затем подул на птицу Куйбин. Птица почувствовала, что все ее перья встали дыбом, и явно что-то не так, но бежать было уже поздно. Вдруг она почувствовала, что ее зад нагревается, и, повернув голову, увидела позади себя пламя, похожее на «блуждающий огонь». Птица замахала крыльями, чтобы потушить пламя, но чем сильнее она махала, тем сильнее разгорался огонь, поэтому у нее не осталось выбора, кроме как закричать от боли, и она устремилась прочь, словно от этого зависела ее жизнь.

Ши Удуань застыл на месте, глядя вверх, туда, где птица Куйбин оставила за собой шлейф дыма, потом вспомнил, что он все еще застрял на этой горе, и даже позавидовал ей.

В то же время в долине Кангюнь царил хаос.

В Зеркале Кармы, которое монарх яо Бай Цзыи разместила в долине, вдруг ни с того ни с сего появилась трещина, отчего его блестящая поверхность стала мрачной. Это зеркало, в котором каждый яо, достигший человеческой формы, должен сиять в качестве обязательного отчета перед монархом яо, в одночасье приобрело смертельный оттенок.

Согласно легендам, Зеркало Кармы в долине Кангюнь - это сокровище, подаренное Небесами клану лисы еще в те времена, когда вселенная только зарождалась. Легенды гласят, что даже небесные молнии не могут причинить ему никакого вреда, то, что оно внезапно расколосось сейчас, наверняка не является благостным знаком грядущих событий.

Бай Цзыи под руководством старейшин установила защитные барьеры вокруг Зеркала Кармы, но это никак не помогло и она лишь беспомощно следила за тем, как зеркальная поверхность сереет слой за слоем.

Однако она никогда не рассказывала об этом Бай Ли, даже старалась улыбаться при каждом его появлении. Бай Ли внешне по-прежнему был невозмутим, его лицо все еще оставалось бледным, но тело сильно изменилось - юноша, который раньше выглядел примерно как Ши Удуань, в его отсутствие превратился в пятнадцати-шестнадцатилетнего подростка, его тело вытянулось.

Бай Цзыи поспешно вернулась снаружи и на мгновение остолбенела, увидев Бай Ли, ожидающего у входа в пещеру. Она нерешительно спросила его:

«Почему ты здесь?»

Бай Ли ничего не ответил, лишь поднял голову и молча рассматривал ее.

Под его пристальным взглядом Бай Цзыи почувствовала беспокойство, и ее улыбающееся лицо стало жестким. Избегая его взгляда, она сказала:

«Мама сегодня устала, мне нужно пойти переодеться. Ты можешь пойти и поиграть сам».

Бай Ли опустил глаза и холодно усмехнулся, но все же особенно мягким голосом произнес:

«Мама?»

Бай Цзыи остановилась, только чтобы увидеть, как Бай Ли поднимает глаза, продолжая мягко говорить:

«Мама, ты действительно моя мама?»

Брови Бай Цзыи вскинулись, она заставила себя улыбнуться и сказала:

«О чем это дитя говорит, если я не твоя мать, то кто еще может ей быть?».

Бай Ли протянул руки, бледные, тонкие и невероятно красивые руки, затем опустил глаза и сказал:

«С тех пор, как у меня появилась память, за исключением того времени, когда я был слишком мал для трансформации и у меня были лисьи уши, я даже не могу вспомнить, какова моя первоначальная форма. Разве это не странно?»

Бай Цзы поспешно сказала:

«Это потому, что твой отец был не из нашего клана...»

Бай Ли снова перебил ее, подняв глаза, которые были подобны электричеству, чтобы остановить ее слова, и мягко сказал:

«Более того, чего может бояться моя мать?».

Бай Цзы закрыла рот, ее радужные оболочки внезапно расширились, а ноги словно прилипли к земле, и неподвижно уставилась на Бай Ли. Прошло едва ли мгновение, а она уже почувствовала, как на ее голове выступает пот.

В этот момент птица Куйбин влетела в пещеру Хуалянь, как зажженная петарда, разрушив сложившуюся между ними напряженную атмосферу. На одно мгновение Бай Ли выпустил острое убийственное намерение. Только когда он понял, что это была птица Куйбин, он удивился и смягчил свое выражение лица.

Бай Цзы воспользовалась этой возможностью, чтобы в спешке бросить несколько слов и отвернуться, не оглядываясь. Бай Ли небрежным движением руки погасил крошечное пламя за птицей Куйбин, продолжая смотреть ей в спину, не настаивая на продолжении разговора, но усмешка все же осталась на его лице.

<http://bllate.org/book/14187/1250167>